
Джейн Джекобс
Смерть и жизнь больших американских городов

БИБЛИОТЕКА
СВОБОДЫ

Jane Jacobs
The Death and Life
of Great American Cities

Джейн Джекобс Смерть и жизнь больших американских городов

*Городу Нью-Йорку,
куда я приехала в поисках счастья
и где нашла его в лице
Боба, Джимми, Неда и Мэри.
Эта книга написана и для них тоже.*

НОВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

УДК 711.4
ББК 85.118
Д40

Серия «Библиотека свободы» издается с 2009 года в рамках издательской программы проекта «InLiberty.Ru: Свободная среда»

Издатель Андрей Курилкин
Дизайн Анатолий Гусев

Перевод с английского Леонид Мотылев
Редактор Андрей Курилкин

This translation published by arrangement with Random House, an imprint of Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Д40 Джекобс Д.
Смерть и жизнь больших американских городов / Пер. с англ.
М.: Новое издательство, 2011. — 460 с. — (Библиотека свободы).

ISBN 978-5-98379-149-7

Написанная 50 лет назад, книга Джейн Джекобс «Смерть и жизнь больших американских городов» уже давно стала классической, но до сих пор не утратила своего революционного значения в истории осмысления города и городской жизни. Именно здесь впервые были последовательно сформулированы аргументы против городского планирования, руководствующегося абстрактными идеями и игнорирующего повседневную жизнь горожан. По мнению Джекобс, живой и разнообразный город, основанный на спонтанном порядке и различных механизмах саморегулирования, во всех отношениях куда более пригоден для жизни, чем реализация любой градостроительной теории, сколь бы продуманной и рациональной она не выглядела.

УДК 711.4
ББК 85.118

ISBN 978-5-98379-149-7

© Jane Jacobs, 1961, 1989, 1993
© Новое издательство, 2011

Оглавление

7	Предисловие к изданию 1993 года
13	От автора
17	I Введение

	I Специфика больших городов
43	2 Использование тротуаров: безопасность
68	3 Использование тротуаров: общение
87	4 Использование тротуаров: улица и дети
101	5 Использование местных парков
124	6 Использование городской округи

	II Условия разнообразия в больших городах
155	7 Генераторы разнообразия
164	8 Необходимость в смешанном первичном использовании
190	9 Необходимость в маленьких кварталах
199	10 Необходимость в старых зданиях
212	11 Необходимость в концентрации
233	12 Некоторые мифы, касающиеся разнообразия

	III Силы упадка и возрождения
253	13 Саморазрушение разнообразия
269	14 Проклятие приграничных пустот
282	15 Трудности: упадок и подъем
302	16 Постепенные деньги и катаклизмические деньги

	IV Тактические методы	
331	17	Субсидирование жилья
348	18	Эрозия городов или отсев автомобилей?
382	19	Визуальный порядок: его границы и возможности
402	20	Спасение жилых и нежилых массивов
414	21	Управление районами и их проектирование
437	22	Какого рода задачу ставит перед нами большой город?
457		Указатель имен

Предисловие к изданию 1993 года

Когда в 1958 году я начинала работу над этой книгой, я намеревалась лишь описать цивилизующие и приятные услуги, которые между делом, непринужденно оказывает людям хорошая городская уличная жизнь, и подвергнуть критике градостроительные извращения и архитектурные моды, уничтожавшие эти достоинства городской среды вместо того, чтобы их поддерживать. Это первая часть настоящей книги, да и то не вся; на большее я тогда не замахивалась.

Но изучение улиц больших городов и размышления о неочевидных свойствах городских парков втянули меня в неожиданную охоту за сокровищами. Я быстро обнаружила, что ценности, видимые невооруженным глазом, — улицы и парки — тесно сопряжены с ключами и путеводными нитями к иным специфическим элементам больших городов. Так одно открытие вело к другому, а то к следующему... Часть добычи, которую принесла охота, наполнила остальные разделы книги. Прочие находки, по мере их возникновения, составили еще четыре тома*. Несомненно, эта книга повлияла на меня и вовлекла меня в работу, которая длилась всю мою последующую жизнь. Но оказала ли она влияние на общественность? Мой ответ — и да, и нет.

Некоторые люди предпочитают ходить по своим повседневным делам пешком или чувствуют, что предпочитали бы, живи они там, где это возможно. Другие в любом случае садятся в машину или поступали бы так, имей они машину. В старые доавтомобильные времена были люди, которым нравилось ездить в каретах или портшезах, и многие хотели иметь такую возможность. Но, как мы знаем из романов, биографий

* Речь идет о книгах Джекобс «Экономика городов» (1969), «Проблема сепаратизма: Квебек и борьба против суверенитета» (1980), «Города

и богатство народов» (1984) и «Системы выживания: диалог о моральных основах торговли и политики» (1992). — *Примеч. ред.*

и легенд, некоторые из тех, чье социальное положение не предполагало перемещения пешком (помимо сельских прогулок), с грустью смотрели на уличные сцены, мимо которых ехали, и жалели, что не могут погрузиться в эту кипучую жизнь с ее духом товарищества, с ее неожиданностями и приключениями.

Упрощенно мы можем говорить о двух человеческих типах — о пешеходах и автомобилистах. Пешеходы (и те, кому хотелось бы ими стать) понимали эту книгу мгновенно. Им сразу становилось ясно: то, что в ней говорится, согласуется с их радостями, с их переживаниями, с их опытом. Удивляться этому трудно — ведь источником очень многих сведений, которые легли в основу книги, стали наблюдения за пешеходами и разговоры с ними. Это исследование выполнено с их помощью, за которую книга в определенном смысле им отплатила, «узаконив» то, что они и так уже знали внутри себя. Тогдашние эксперты не питали уважения к тому, что понимали и ценили пешеходы. Их, пешеходов, считали ретроgrадами и эгоистами — докучливым песком в колесах прогресса. Нелегко было непрофессионалам противостоять профессионалам, несмотря на все невежество и глупость, на которых этот «профессионализм» был основан. Книга оказалась полезным оружием против таких экспертов. Правильнее, однако, будет говорить о ее поддерживающей, подтверждающей роли, чем о влиянии. Что же касается автомобилистов, их эта книга ничем не поддержала, и она никак на них не повлияла. К нынешним автомобилистам, насколько я могу судить, это тоже относится.

Мнения студентов, изучающих градостроительство и архитектуру, тоже разошлись, но тут есть свои особые нюансы. В период, когда вышла эта книга, студентов, кем бы они ни были по характеру и жизненному опыту — пешеходами или автомобилистами, — жестко обрабатывали в антигородском и антиуличном духе, готовили так, словно все эти студенты, да и вообще все люди на свете, были автомобилистами-фанатиками. Их преподаватели сами были обучены или обработаны таким же образом. Поэтому практически все представители истеблишмента, от которого зависел физический облик больших городов (в том числе банкиры, застройщики и политики, усвоившие распространенные градостроительные и архитектурные воззрения и теории) действовали как привратники, стоявшие на страже враждебных городской жизни форм и образов. Вместе с тем среди студентов — особенно тех, что изучали архитектуру, но в какой-то мере и тех, что специализировались на градостроительстве, — встречались пешеходы. Для них книга имела смысл. Преподаватели (впрочем, не все) склонны были считать ее макулатурой или, как выразился один градостроитель, «пустым и бес-

связным злобствованием». Любопытно, однако, что ее стали включать в списки обязательной или факультативной литературы — порой, подозреваю, для того, чтобы вооружить студентов знанием мракобесных идей, с которыми они могут столкнуться на практике. Один университетский преподаватель именно так мне и сказал. Но на студентов-пешеходов книга оказывала подрывное воздействие. Безусловно, отнюдь не только она: неработоспособность и безрадостность антигородских воззрений разоблачали и другие авторы и исследователи, например Уильям Х. Уайт. В Лондоне редакторы и авторы журнала *The Architectural Review* пришли к мыслям, сходным с моими, еще в середине 1950-х.

В наши дни многие архитекторы и некоторые градостроители из младшего поколения имеют прекрасные идеи — красивые, остроумные идеи укрепления городской жизни. Есть у них и навыки, необходимые для реализации этих планов. Эти люди ушли далеко вперед от безжалостных, неосторожных манипуляторов большими городами, которых я критиковала.

Но тут я подхожу к чему-то печальному. Хотя надменных привратников за прошедшие годы стало меньше, ворота настежь не распахнулись. Антигородское проектирование по-прежнему занимает в американских городах поразительно прочные позиции. Оно по-прежнему воплощено в тысячах инструкций, подзаконных актов, кодексов, в бюрократический боязни отступить от стереотипов, в бессознательных мыслительных установках, распространенных в обществе и заостренных от времени. Всякий раз, когда эти препятствия оказываются преодолены, можно не сомневаться, что для этого потребовались огромные усилия преданных своему делу людей. В этом можно не сомневаться всякий раз, когда мы видим, что группа старых городских зданий была с пользой перестроена ради новых нужд; что были расширены тротуары и сужена мостовая именно там, где это следовало сделать, — на улице, изобилующей пешеходами; что деловой центр города не пустеет после закрытия офисов; что были успешно выпестованы новые, богатые и сложные смеси способов использования (*uses*) городской среды; что новые здания были чутко и аккуратно вставлены между старыми так, чтобы не оставалось дыр и прорех, но заплатки при этом не бросались в глаза. Некоторые зарубежные города стали очень неплохо справляться с такими задачами. Но в Америке попытка добиться чего-либо разумного в подобном ключе — тяжкое, а зачастую и душераздирающее испытание.

В главе 20 этой книги я предложила, чтобы территории изолированных, спроектированных как единое целое массивов в больших городах были радикально расчищены и затем воссозданы с двумя

конечными целями: соединить массивы с нормальным городским окружением посредством прокладки в них многочисленных новых связующих улиц; и одновременно превратить сами массивы в подлинно городские зоны, добавив вдоль этих дополнительных улиц различные новые заведения (facilities). Вся штука, конечно, в том, что эти новые коммерческие заведения должны стать рентабельными экономически, что послужило бы показателем их подлинной, а не мнимой полезности.

Разочаровывает, что более чем за тридцать лет после выхода книги подобное радикальное переустройство массива ни разу, насколько я знаю, не было предпринято. Безусловно, с каждым новым десятилетием реализация этого предложения будет выглядеть все более трудоемкой. Причина в том, что массивы, построенные по антигородским принципам, особенно крупные государственные жилые массивы, как правило, способствуют деградации своего городского окружения, так что чем больше проходит времени, тем меньше остается прилегающих к массиву здоровых участков, с которыми его стоило бы связать.

Но, даже несмотря на это, хорошие возможности для преобразования массивов в полноценные городские участки все еще существуют. Начать следовало бы с относительно легких случаев, имея в виду, что это хорошая учеба, а в учебе разумнее всего идти от более простого к более сложному. Приближается время, когда мы будем остро нуждаться в применении результатов этой учебы к неизмеримо расплывшимся пригородам, ибо расширять их без конца невозможно. Неэффективная растрата энергии, инфраструктуры, земли — слишком высокая цена. Но для того чтобы уплотнить нынешние разреженные пригороды в целях более экономного расхода ресурсов, мы должны вначале научиться делать новые связующие звенья и уплотняющие вставки привлекательными, приятными, безопасными и долговечными — как для пешеходов, так и для автомобилистов.

Время от времени книга устаивалась похвал за то, что якобы способствовала остановке программ городской реконструкции и расчистки трущоб. Я была бы счастлива, будь эти похвалы заслуженными. Но я не могу их принять. Эти программы, продолжавшиеся много лет после публикации этой книги, скончались из-за собственных провалов и собственной несостоятельности. Даже сейчас наблюдаются их рецидивы — там, где не хотят ни о чем помнить, где принимают желаемое за действительное и где, кроме того, достаточно катаклизмических денег для кредитования застройщиков, достаточно политического высокомерия и государственных субсидий. Недавний пример — грандиозный, но обанкротившийся изолированный лондонский массив Канари-Уорф,

построенный на полуострове Айл-оф-Догз, в районе бывших доков, ценой уничтожения сообщества местных жителей, которые беззаветно любили свою скромную среду обитания.

Возвращаясь к охоте за сокровищами, которая началась с улиц и вела меня от одного открытия к другому, скажу, что в какой-то точке пути я поняла, что ввязалась в исследование экологии больших городов. Читатель может подумать, что я имею в виду учет таких обстоятельств, как набеги ищущих пропитания енотов на городские садики и мусорные бачки (в городе, где я живу, — даже в деловом центре — это происходит) или возможное снижение числа голубей среди небоскребов по вине ястребов. Но городская экология означает для меня нечто отличное от природной экологии, как ее понимают исследователи растительного и животного мира, — отличное и вместе с тем сходное. Природная экосистема по определению «состоит из физико-химико-биологических процессов, происходящих внутри пространственно-временного промежутка любой величины». Городская же экосистема состоит из физико-экономико-этических процессов, происходящих в данный промежуток времени в городе и его ближних окрестностях. Я сформулировала это определение сама — по аналогии.

У двух видов экосистем — сотворенных природой и созданных людьми — имеются общие фундаментальные принципы. В частности, для своего существования экосистемы обоих видов (если они не бесплодны) нуждаются в большом разнообразии. В обоих случаях разнообразие развивается с течением времени органически, и различные его компоненты находятся в сложной взаимозависимости. Чем больше ниш предоставляет экосистема того или другого вида для разнообразных жизненных форм и средств к существованию, тем больший объем жизни она способна пропускать через себя. В экосистемах обоих видов многие маленькие, незаметные компоненты, которые легко проглядеть при поверхностном наблюдении, могут иметь жизненно важное значение для целого, совершенно непропорциональное их крохотному размеру или совокупному объему. В природных экосистемах фундаментальную ценность представляют генофонды. В городских — виды труда; более того, виды труда не только воспроизводят себя в заново возникающих, быстро растущих образованиях, но еще и формируют гибриды и даже мутируют, превращаясь в нечто невиданное ранее. И оба вида экосистем из-за присущей им сложной взаимозависимости компонентов хрупки и уязвимы, их легко повредить и уничтожить.

Однако, если они повреждены не смертельно, они проявляют упорство и живучесть. И когда их процессы идут хорошо, экосистемы

выглядят стабильными. Но в глубинном смысле эта стабильность — иллюзия. Как давным-давно заметил греческий философ Гераклит, все в природном мире течет. Когда нам кажется, что мы видим статическое положение вещей, на самом деле мы видим начальный процесс и процесс окончания, происходящие одновременно. Ничто в природе нельзя назвать статичным. К большим городам это относится в такой же мере. И поэтому для исследования природных и городских экосистем необходимо мышление одного и того же типа. Мышление, которое не фокусируется на объектах и не ждет от них многого в плане объяснений. Процессы — вот что всегда самое главное; объекты получают значимость лишь как участники процессов, какую бы роль они в этих процессах ни играли — положительную или отрицательную.

Такой взгляд на вещи довольно молод и нов, и, возможно, поэтому результаты погони за знаниями, которая должна помочь нам понять природную и городскую экологию, кажутся неисчерпаемыми. Познано пока еще очень мало; столько всего предстоит познать!

Мы, люди, — единственные на свете существа, строящие города. Ульи общественных насекомых фундаментально отличаются от городов по характеру развития, функциям и возможностям. Для нас большие города — в некотором смысле, помимо прочего, и природные экосистемы. Это не объекты одноразового использования. Где и когда человеческие сообщества процветали и благоденствовали, а не стагнировали и не загнивали, сердцевиной этого явления были творческие и работоспособные города; они окупали себя с лихвой. В наши дни — то же самое. Загнивающие города, переживающая спад экономика и громоздящиеся социальные проблемы идут рука об руку. Это соединение не случайно.

Крайне необходимо, чтобы люди научились понимать городскую экологию как можно лучше. Начать можно с любой точки городских процессов. Скромная, но жизненно важная роль хороших улиц и округ (neighborhoods) в больших городах — возможно, не такая уж плохая отправная точка. И потому я вижу обнадеживающий знак в том, что издательство The Modern Library публикует это красивое новое издание для нового поколения читателей, которое, я надеюсь, заинтересуется городской экологией, с почтением отнесется к ее чудесам и откроет для себя новые.

ТОРОНТО, КАНАДА
ОКТАБРЬ 1992 ГОДА

От автора

Людей, вольно или невольно оказавших мне помощь в работе над этой книгой, так много, что я никогда не смогу сполна выразить признательность, которую они заслуживают и которую я испытываю. Перечислю здесь тех, кому я особенно благодарна за информацию, поддержку и критику. Это Сол Алински, Эдмунд Бекон, Джун Блайд, Джон Деккер Бутцнер-младший, Джек Волкман, Чадборн Гилпатрик, Виктор Грюн, Вернон Де Марс, Бида Звиккер, Милдред Зуккер, монсиньор Джон Дж. Иган, Летисия Кент, Уильям Керк, Грэйди Клэй, мистер и миссис Кострички, Уильям Кроу, Джей Ландесман, Мелвин Ф. Левайн, Гленни М. Ленир, его преподобие Уилбер Лич, Эдвард Лог, Эллен Лурье, Роджер Монтгомери, Элизабет Мэнсон, Ричард Нельсон, Джозеф Пассонно, Эллен Перри, Роуз Портер, Джеймс Раус, Энсел Робисон, Сэмюэл Спигел, Стэнли Б. Танкел, Роберт Уайнберг, Уильям Х. Уайт-младший, Уильям Уилкокс, Генри Уитни, Эрик Уэнсберг, Карл Файсс, Чарльз Фарнсли, Роберт Б. Филли, миссис Розарио Фолино, Фрэнк Хейви, Фрэнк Хотчкисс, Голди Хоффман, Генри Черчилл, Норрис Эндрюс. Никто из этих людей, разумеется, не несет ответственности за то, что я написала; более того, некоторые из них решительно со мной не согласны — и тем не менее оказали мне щедрую помощь.

Я благодарна, кроме того, Фонду Рокфеллера за финансовую поддержку, сделавшую возможными мои исследования и написание этой книги, Новой школе социальных исследований за гостеприимство и Дугласу Хаскеллу, редактору журнала *Architectural Forum*, за моральную поддержку и терпение. И больше, чем кому-либо, я благодарна своему мужу Роберту Джекобсу-младшему; я до сих пор не знаю, какие идеи в этой книге зародились у меня, а какие — у него.

Иллюстрации

Картины, иллюстрирующие эту книгу, окружают нас повсюду. Если вам нужны иллюстрации — пристально взгляните в реальные города. Не мешает также вслушаться, помедлить и обдумать свои впечатления.

До недавнего времени лучший довод в пользу цивилизации, какой приходил мне на ум, помимо слепого приятия устройства вселенной, состоял в том, что цивилизация произвела на свет художника, поэта, философа и ученого. Но теперь я думаю, что это еще не самое великое. Я считаю самым великим то, что прямо касается каждого из нас. Когда мне говорят, что, занятые добыванием средств к жизни, мы пренебрегаем жизнью как таковой, я отвечаю, что вижу главную ценность цивилизации в том, что она делает средства к жизни более сложными, что она требует уже не простых и разобщенных, а очень больших и совместных интеллектуальных усилий для того, чтобы людская масса была обеспечена пищей, одеждой, жильем и средствами передвижения. Потому что более сложные и напряженные интеллектуальные усилия означают более полную, более яркую жизнь. Они означают, что жизни становится больше. Жизнь самоценна, и стоит ли она того, чтобы ее прожить, определяется одним: достаточно ли ее у вас.

Добавлю только два слова. Мы все очень близки к отчаянию. Защитная насыпь, не позволяющая его волнам затопить нас, построена из надежды, из веры в необъяснимую ценность и несомненный результат усилия, а также из глубокого подсознательного удовлетворения, рождаемого реализацией наших возможностей.

ОЛИВЕР УЭНДЕЛЛ ХОЛМС-МЛ.

—

—

I Введение

Эта книга — атака на нынешнюю градостроительную систему. Кроме того, и главным образом, это попытка выдвинуть новые принципы проектирования и реконструкции крупных городов, не только отличные от прежних, но даже противоположные тому, что сегодня внушают людям повсюду — от школ архитектуры и градостроительства до воскресных газетных приложений и женских журналов. Суть моей атаки не в мелких придирках к методам реконструкции, к тонкостям тех или иных эстетических веяний. Нет, это атака на сами принципы и цели, сформировавшие ортодоксальное градостроительство наших дней.

Обосновывая переход к новым принципам, я буду писать главным образом о повседневных, обыденных вещах: какие городские улицы более опасны, какие менее; почему одни городские парки великолепны, а другие представляют собой капканы порока и смерти; почему одни трущобы остаются трущобами, а другие возрождаются и оживают даже вопреки финансовому и административному противодействию; что заставляет перемещаться центры активности в деловых городских районах; что такое округ в большом городе (если она существует) и какие функции она выполняет (если выполняет). Коротко говоря, я буду писать о том, как большие города действуют в реальной жизни, потому что только так можно понять, какие принципы проектирования и способы реконструкции увеличивают социальную и экономическую живучесть городских территорий, а какие, наоборот, парализуют их существование.

Согласно бытующему тоскливому мифу, если бы мы располагали достаточной суммой (обычно говорят о ста миллиардах долларов), мы бы за десять лет расчистили все трущобы, прекратили загнивание и обеспечили процветание огромных унылых «серых поясов» (вчерашних и позавчерашних пригородов), поставили на якорь блужда-

ющий средний класс и блуждающие налоговые поступления от него; возможно, мы даже решили бы транспортную проблему.

Но посмотрите, что мы сотворили на первые несколько миллиардов. Жилые массивы для малообеспеченных, ставшие худшими рассадниками преступности, вандализма и общей социальной безнадежности, чем трущобы, которые они собой заменили. Жилые массивы для людей со средними доходами — подлинные образчики скуки и регламентации, наглухо закрытые от всего бодрого и живого, что имеется в городской жизни. Роскошные жилые массивы, пытающиеся компенсировать бессодержательность безвкусной вульгарностью. Культурные центры, неспособные окупить существование приличного книжного магазина. Общественные центры, посещаемые только бездельниками из бездельников, которым совсем уж некуда пойти. Торговые центры, представляющие собой тусклые подобию стандартных пригородных сетевых магазинов. Променады, которые ведут из ниоткуда в никуда и где никто не совершает променадов. Скоростные магистрали, которые выхолащивают большие города. Нет, это не реконструкция городов. Это их разграбление.

Если ковырнуть чуть глубже, эти «достижения» по сути окажутся еще более жалкими, чем их жалкий фасад. Они редко оказывают положительное влияние на окружающие городские территории, какое в теории должны были бы оказывать. На этих ампутированных территориях, как правило, развивается галопирующая гангрена. Чтобы расселить людей таким плановым способом, на группы горожан навешивают ценники, и между этими группами и окружающим городом нарастают подозрительность и напряженность. Когда бок о бок сосуществуют два или больше таких взаимно враждебных острова, результат называют «сбалансированным участком». Монополистические торговые центры и монументальные культурные центры прикрывают пропагандистской трескотней изъятие как торговли, так и культуры из неформальной, непринужденной жизни города.

Ради этих градостроительных чудес людей, на которых градостроители поставили свою ведьминскую печать, третируют, обездоливают, сгоняют с насиженных мест, как завоеванные народы. Тысячи и тысячи мелких бизнесов уничтожаются, их владельцы разоряются, не получая справедливого возмещения. Целые человеческие сообщества раздробляются и пускаются по ветру, как семена, а урожай, собираемый после этого «посева», — цинизм, обида и отчаяние, которые надо видеть и слышать, чтобы поверить в их возможность. Группа священнослужителей из Чикаго, придя в ужас от плодов плановой реконструкции города, спрашивает:

Не Чикаго ли имел в виду Иов, когда говорил: «Межи передвигают... бедных сталкивают с дороги, все уничтоженные земли принуждены скрываться... жнут они на поле не своем... В городе люди стонут, и душа убиваемых вопит...»?

С таким же успехом он мог иметь в виду Нью-Йорк, Филадельфию, Бостон, Вашингтон, Сент-Луис, Сан-Франциско и другие города. Экономическое «обоснование» нынешней реконструкции городов — чистое надувательство. Экономика этой реконструкции зиждется отнюдь не только на «прочном инвестиционном фундаменте» государственного субсидирования за счет налоговых поступлений, как заявляют ее теоретики, но и на громадных недобровольных субсидиях от беспомощных жертв принудительного отчуждения собственности на реконструируемых территориях. А рост налоговых поступлений от таких территорий в городской бюджет в результате этих «инвестиций» — одна лишь видимость, пустышка на фоне все возрастающих объемов государственных денег, необходимых для борьбы с дезинтеграцией и нестабильностью, которые порождает город, подвергшийся жестокой встряске. Средства, которыми осуществляется плановая городская реконструкция, столь же нехороши, как и ее цели.

Между тем никакое искусство градостроительства и никакая градостроительная наука не могут воспрепятствовать гниению (и апатии, которая ему предшествует) на все более обширных городских пространствах. И никак нельзя успокоительно объяснить это гниение нехваткой возможностей для того, чтобы применить искусство городского проектирования. Применено оно или нет — не имеет, судя по всему, большого значения. Возьмем для примера нью-йоркский район Морнингсайд-Хайтс. Согласно теории градостроительства, здесь вообще не должно быть проблем. Район изобилует парковыми территориями, кампусами, игровыми площадками и другими незастроенными участками. В нем много травы. Он занимает приятное возвышенное место с величественными речными видами. Здесь расположен знаменитый образовательный центр с прекрасными учебными заведениями — Колумбийским университетом, Объединенной теологической семинарией, Джульярдской музыкальной школой и полудюжиной других, весьма и весьма респектабельных. В районе хорошие больницы, церкви. Промышленных предприятий нет. Улицы большей частью защищены зонированием от «несовместимых способов использования», которые могли бы вторгнуться в мир солидных зданий с просторными квартирами, предназначенными для среднего класса и выше. И тем не менее к началу 1950-х годов

район стал так стремительно превращаться в угрюмые трущобы, где людям страшно ходить по улицам, что учебные заведения сочли ситуацию кризисной. Объединив усилия с городскими проектирующими органами, они вновь призвали на помощь градостроительную теорию; участки, пришедшие в наибольший упадок, были расчищены, и там возвели кооперативный жилой массив с торговым центром для людей со средним уровнем доходов и государственный жилой массив для малообеспеченных. Кругом — обилие воздуха, света, солнца и красивых видов. Сделанное называли великолепным образцом того, как можно спасти кусок города.

После этого район Морнингсайд-Хайтс покатился вниз еще быстрее.

Пример ни в коей мере не является лукавым или нетипичным. В одном большом городе за другим гниют именно те зоны, которым, по теории градостроительства, гнить не положено. И что столь же важно, хоть и не так бросается в глаза: в одном большом городе за другим именно те зоны, которым по теории градостроительства положено гнить, отказываются это делать.

Большие города — это гигантские лаборатории проб и ошибок, успехов и неудач в градостроительстве и архитектуре. В этих лабораториях городского проектирования специалистам следовало бы совершенствоваться, выдвигать и проверять теории. Однако практики и теоретики этой дисциплины (если ее можно так назвать) не изучают опыта удач и неудач в реальной жизни, не интересуются причинами неожиданных успехов; вместо этого они руководствуются принципами, основанными на функционировании и облике малых городов, пригородов, туберкулезных санаториев, выставок и воображаемых городов из сновидений — словом, чего угодно, кроме больших городов как таковых.

Если оказывается, что перестроенные городские территории и нескончаемые участки новой застройки, распространяющиеся вокруг больших городов, превращают и их, и загородную местность в одну сплошную малопитательную размазную, ничего странного в этом нет. Все это одно и то же полученное из первых, вторых, третьих или четвертых рук интеллектуальное месиво, в котором свойства, нужды, преимущества и особенности функционирования крупных городов полностью перемешаны со свойствами, нуждами, преимуществами и особенностями функционирования других, более инерционных типов расселения.

Загнивание старых больших городов и свежее испеченный упадок новой неурбанистической урбанизации не обусловлены никакой экономической или социальной неизбежностью. Наоборот, ника-

кая другая сторона нашей экономики и нашего общества не подвергалась на протяжении целой четверти века такому целенаправленному ручному воздействию с прицелом именно на тот результат, что мы сегодня имеем. Чтобы достичь такого уровня однообразия, бесплодия и вульгарности, со стороны государства потребовались необычайные финансовые вливания. Десятилетия устных и письменных проповедей и призывов со стороны экспертов ушли на убеждение общества и законодателей в том, что подобное месиво — именно то, что нам надо, если оно засажено травой.

Как злодеев, ответственных за беды наших больших городов и за всю тщету и неудачи градостроительства, очень удобно было заклеить автомобили. Но их разрушительное воздействие — не столько причина, сколько следствие нашей градостроительной несостоятельности. Трудно удивляться тому, что проектировщики, в том числе строители автомагистралей, располагающие баснословными деньгами и колоссальными возможностями, не могут понять, как сделать автомобили и большие города совместимыми друг с другом. Они потому не знают, что делать с автомобилями в больших городах, что не умеют проектировать жизнеспособные и работоспособные большие города вообще — с автомобилями или без них.

Простые нужды автомобилей легче понять и удовлетворить, чем сложные нужды крупных городов, и все большему числу градостроителей начинает казаться, что, решив транспортную проблему, они тем самым решат главную проблему крупного города. Однако автомобильный транспорт — лишь небольшая часть многосложной совокупности городских дел и забот. Откуда вы можете знать, как быть с транспортом, если вы не понимаете, как функционирует большой город и в чем еще нуждаются его улицы? Ниоткуда не можете.

Возникает подозрение, что мы как народ стали настолько беспомощны и нерадивы, что нас уже не интересует, как функционирует что-либо, интересует только мгновенное, легковесное внешнее впечатление. Если так, то наши большие города, как, вероятно, и многое другое в нашем обществе, внушают мало надежды. Но я все же не придерживаюсь такого мнения.

В частности, в сфере градостроительства трудится много хороших и честных людей, которых искренне заботят новое строительство и городская реконструкция. Несмотря на отдельные случаи коррупции и не столь уж редкие попытки «жать на поле не своим», намерения, с которыми люди стряпают пресловутое месиво, по большей части безупречны. Градостроители, архитекторы-дизайнеры и все прочие, кого они

обратили в свою веру, не пренебрегают сознательно необходимостью разбираться в функционировании того, с чем имеют дело. Напротив, они потратили много сил на то, чтобы изучить суждения святых и мудрецов современного ортодоксального градостроительства о том, как *должны* функционировать большие города и что *должно* быть полезно для их жителей и предприятий. К этим суждениям они относятся с таким пиететом, что, когда вторгается упрямая действительность, грозя перечеркнуть их недешево добытые познания, они готовы отвергнуть действительность.

Рассмотрим для примера реакцию ортодоксальных градостроителей на судьбы бостонского района Норт-Энд*. Это старый район с низкой квартирной платой, переходящий в прибрежную промышленную зону, и он официально признан вместилищем наихудших в Бостоне трущоб и позором города. Он воплощает в себе все то, что просвещенные люди с убежденностью считают дурным, потому что это называли дурным многие авторитетнейшие специалисты. Мало того, что Норт-Энд вплотную примыкает к промышленным предприятиям, — в нем самом жилые помещения сложнейшим образом сосуществуют со всевозможными рабочими местами и торговыми точками. Здесь наивысшая во всем Бостоне и одна из наивысших в американских крупных городах плотность жилых единиц на участках, используемых под жилье. Здесь мало парков и скверов. Дети играют прямо на улицах. Здесь нет ни сверхкрупных, ни даже сравнительно крупных кварталов — все кварталы мелкие; пользуясь жаргоном градостроителей, район «расточительно изрезан ненужными улицами». Здания старые. Словом, что ни возьми, все в Норт-Энде не так. В системе взглядов ортодоксального градостроительства это трехмерный учебный образчик «мегалополиса» в последней стадии испорченности. Неудивительно, что Норт-Энд стал постоянным заданием для студентов Массачусетского технологического института и Гарвардского университета, изучающих архитектуру и градостроительство; снова и снова под руководством педагогов они на бумаге превращают его в совокупность укрупненных «суперкварталов» и парковых зон, ликвидируют неподходящие виды деятельности, преобразуют район в образец порядка, элегантности и простоты, в нечто такое, что можно выгравировать на булавоочной головке.

Двадцать лет назад, когда я впервые увидела Норт-Энд, его здания — таунхаусы разнообразных видов и размеров, разделенные по

* Пожалуйста, возьмите Норт-Энд на заметку. В этой книге я часто буду к нему возвращаться.

этажам на квартиры, и дешевые многоквартирные дома в четыре-пять этажей, построенные, чтобы разместить поток иммигрантов вначале из Ирландии, потом из Восточной Европы и, наконец, из Сицилии, — были страшно перенаселены, и создалось общее впечатление, что район подвергается жестокому физическому избиению и, само собой, чрезвычайно беден.

В 1959 году, когда я снова побывала в Норт-Энде, я была поражена произошедшей переменой. Десятки и десятки домов были отремонтированы. Вместо матрасов, заменявших выбитые стекла, я увидела подъемные жалюзи и свежую краску на стенах. Во многих маленьких переоборудованных домах теперь обитала одна семья или две вместо прежних трех-четырех. Некоторые семьи, жившие в дешевых многоквартирных домах, получили больше простора, соединив две квартиры в одну и оборудовав там ванную, новую кухню и тому подобное (я выяснила это позже, побывав у людей дома). Я заглянула в узкий переулок, думая, что по крайней мере там увижу старый, неопрятный Норт-Энд, — и ошиблась: опять аккуратно расшитая кирпичная кладка, новые жалюзи и поток музыки из внезапно открывшейся двери. Поистине это до сих пор единственный на моей памяти район крупного города, где боковые стены зданий вокруг парковочных площадок не были оставлены необработанными и как бы ампутированными, — их подновили и выкрасили, как и участки, находящиеся на самом виду. Между жилыми домами имелось невероятное количество превосходных продовольственных магазинов и таких предприятий, как мастерские по обивке мебели, по металлообработке, по деревообработке, как пищевые предприятия. На улицах кипела жизнь: дети играли, взрослые делали покупки, гуляли, беседовали. Если бы не январский холод, наверняка некоторые сидели бы под открытым небом.

Царившая на улицах общая атмосфера жизнерадостности, дружелюбия и здоровья была так заразительна, что я начала спрашивать у прохожих, как пройти в то или иное место, просто ради удовольствия от разговора с ними. За предыдущие два дня я повидала в Бостоне много чего, большей частью весьма удручающего, и Норт-Энд на этом фоне вызвал у меня облегчение, показавшись самым здоровым местом в городе. Но я не могла понять, откуда явились деньги на все это обновление, — ведь сейчас почти невозможно получить сколько-нибудь существенную сумму под залог недвижимости в большом американском городе, если только дом не находится в районе с высокой квартирной платой или в районе, имитирующем пригород. Чтобы в этом разобраться, я зашла в ресторан с баром, где шел оживленный разговор про рыбалку, и позвонила знакомому бостонскому градостроителю.

— О господи, как это вас туда занесло? — удивился он. — Откуда у них деньги? Да никто туда не вкладывает ни денег, ни трудов! Там ничего не происходит вообще. Когда-нибудь начнет происходить, но не сейчас. Это трущоба!

— Нет, Норт-Энд не кажется мне трущобой, — возразила я.

— Да бросьте! Норт-Энд — самая скверная трущоба города. Двести семьдесят пять жилых единиц на акр жилой застройки! Очень неприятно признавать, что в Бостоне такое есть, но это факт.

— А еще какие-нибудь цифры у вас имеются?

— Да... странная штука. Уровни преступности, заболеваемости и детской смертности там одни из самых низких в городе. Еще — наименьшее на весь Бостон отношение квартплаты к доходу. Умеют же люди находить выгодные варианты! Поглядим дальше... количество детей — среднее по городу, тьютельница в тьютельку. Смертность низкая — 8,8 на тысячу при средней по городу 11,2. Смертность от туберкулеза очень низкая, меньше одного случая на десять тысяч, ничего не понимаю, это лучше даже, чем в Бруклайне. Раньше Норт-Энд был самым туберкулезным районом Бостона, но теперь, оказывается, все не так. Крепкие люди, должно быть... Так или иначе, это жуткая трущоба.

— Побольше бы таких трущоб, — заметила я. — Только не говорите мне, что имеются планы все это снести.

— Я понимаю ваши ощущения, — сказал он. — Я и сам частенько туда заезжаю — просто походить по улицам, проникнуться этой чудесной, приветливой уличной атмосферой. Вам стоило бы летом там побывать — вот когда у них настоящее веселье! Летом у вас голова бы кругом пошла. Но, разумеется, рано или поздно мы за этот район возьмемся. Надо убирать людей с улиц.

Забавно, не правда ли? Инстинктивно мой знакомый чувствовал, что Норт-Энд хорошее место, и социальная статистика это подтверждала. Но все усвоенное им как градостроителем-практиком по поводу того, что хорошо и что плохо для городских районов и их обитателей, все, что делало его специалистом, говорило ему: Норт-Энд — это плохо.

Ведущий бостонский банкир, человек «далеко не последний во властных кругах», к которому мой знакомый меня адресовал, чтобы я спросила его о финансировании, подтвердил то, что мне и так стало ясно из разговоров с жителями Норт-Энда. Деньги явились не по милости великой американской банковской системы, которая сейчас знает о градостроительстве достаточно, чтобы не хуже градостроителей распознавать трущобы. «Кредитовать Норт-Энд нет никакого смысла, — сказал банкир. — Это трущоба! Туда до сих пор едут иммигранты! К тому же

во время Депрессии там было очень много случаев лишения прав выкупа заложенной недвижимости. Плохая репутация». (Про это я тоже успела узнать, как и про то, что семьи затем копили деньги и складывались, чтобы выкупить некоторые из строений, перешедших в собственность залогодержателей.)

На протяжении четверти века после Великой депрессии самый большой размер займа под залог недвижимости, который можно было получить в этом районе с населением примерно в 15 000 человек, составлял, по словам банкира, 3000 долларов, «причем таких случаев было крайне мало». Изредка давались займы в 1000 и 2000 долларов. Обновление почти всецело велось за счет бизнеса и доходов от жилой недвижимости внутри района, а также за счет безденежного обмена квалифицированной работой среди его жителей и их родственников.

К тому времени я уже знала, что эта невозможность получить займы для обновления зданий была для жителей Норт-Энда очень сильной головной болью, как и то, что новое строительство в этом районе представлялось мыслимым только ценой разгрома всего здешнего сообщества в духе студенческих мечтаний об идеальном городе. Подобная судьба виделась людям отнюдь не в теоретическом свете: у них на глазах расположенный поблизости и сходный социально, хоть и более обширный физически Уэст-Энд был таким образом полностью уничтожен. Обитатели Норт-Энда, помимо прочего, понимали, что ремонт и латание прорех не могут длиться бесконечно.

— Имеет ли Норт-Энд какие-нибудь шансы на займы для нового строительства? — спросила я банкира.

— Никаких абсолютно! — ответил он, раздраженный моей тупостью. — Это трущоба!

Банкиры, как и градостроители, действуют в больших городах на основании определенных теорий. Эти теории они получили из тех же, что и градостроители, интеллектуальных источников. Банкиры и городские чиновники, гарантирующие залогом, не придумывают сами ни градостроительных теорий, ни, что удивительно, даже экономических доктрин, касающихся больших городов. Они сейчас люди просвещенные и черпают идеи у идеалистов, запоздав на поколение. Поскольку теоретическое градостроительство не произвело на свет новых крупных идей за время существенно большее, чем одно поколение, градостроители-теоретики, финансисты и чиновники сегодня находятся примерно на одном уровне.

Если говорить прямо, все они ныне пребывают на той же стадии изощренного ученого суеверия, на какой медицинская наука стояла

в начале прошлого века, когда врачи беззаветно верили в кровопускание, якобы избавляющее организм от болезнетворных соков — «гуморов». Нужно было учиться годы и годы, чтобы знать, при каких симптомах какие именно вены и каким образом нужно вскрывать. Надстройка технических сложностей была воздвигнута в таких подробностях и на таком серьезе, что эта литература и сегодня читается как нечто почти правдоподобное. Впрочем, поскольку люди, даже когда они с головой погружены в описания действительности, имеющие с этой действительностью мало общего, редко бывают полностью лишены способности наблюдать и самостоятельно мыслить, наука кровопускания на протяжении большей части своей долгой истории обычно смягчалась некоторой долей здравого смысла. Точнее, смягчалась до тех пор, пока не достигла ослепительных технических вершин — где бы вы думали? В юных Соединенных Штатах. Кровопускание тут, можно сказать, пошло вразнос. Оно нашло чрезвычайно влиятельного энтузиаста в лице доктора Бенджамина Раша, донныне почитаемого как величайшего врача-политика революционного и федерального периодов, гения медицинского администрирования. Доктор Раш если брался за дело, то доводил его до конца. Среди дел, за которые он взялся (в том числе хороших и полезных), было распространение обычая кровопускания на случаи, в которых до той поры благоразумие или милосердие предписывало врачам от него воздерживаться. Раш и его ученики пускали кровь очень маленьким детям, чахоточным, глубоким старикам — словом, почти всем, кому выпало несчастье заболеть в зоне его влияния. Крайности его практики вызвали у европейских врачей, применявших кровопускание, тревогу и ужас. Тем не менее даже в 1851 году комитет, образованный законодателями штата Нью-Йорк, официально одобрил огульное использование кровопускания. Он едко высмеял и осудил врача Уильяма Тернера, который имел опрометчивость издать брошюру, критикующую доктрины доктора Раша, и назвать в ней практику кровопускания больным «противной здравому смыслу, всеобщему опыту, просвещенному разуму и очевидным законам божественного Провидения». Нужно укреплять больной организм, а не выкачивать из него кровь, сказал доктор Тернер, за что и поплатился.

Медицинские аналогии, применяемые к социальным организмам, как правило, натянуты, и физиология млекопитающих имеет мало общего с тем, что происходит в большом городе. Но аналогии, касающиеся того, что происходит в мозгах у серьезных и ученых людей, когда они сталкиваются со сложными явлениями, которых не понимают вовсе, и пытаются чего-то добиться при помощи псевдонауки, очень даже правомерны. Как в псевдонауке кровопускания, так и в псевдонауке градо-

строительства над фундаментом, составленным из чепухи, высятся годы учения и гора утонченной, усложненной догматики. Технические средства неуклонно совершенствуются. Неудивительно, что проходит время — и волевые, способные и увлеченные администраторы, приняв на веру исходные заблуждения, располагая возможностями и доверием общественности, вполне логически доходят до самых губительных крайностей, от которых в прошлом благоразумие или милосердие их удержало бы. Кровопускание могло помочь только случайно или вопреки правилам, и так было до тех пор, пока от него не отказались ради трудной, кропотливой работы по сбору, использованию и проверке, шаг за шагом, подлинных описаний действительности, источником которых является не «как должно быть», а «как оно есть на самом деле». Псевдонаука градостроительства и сопутствующее ей искусство городского дизайна еще не распрощались с обманчивым комфортом благих пожеланий, привычных предрассудков, свехупрощений и абстракций и не отправились в полное приключений исследовательское путешествие по реальному миру.

А раз так, то в этой книге мы сами отправимся в подобное путешествие, пусть даже и небольшое. Чтобы понять, как обстоят дела в таинственном и извращенном на вид мире больших городов, надо, мне кажется, пристально присмотреться, испытывая при этом как можно меньше предварительных ожиданий, к самым будничным сценам и событиям, и попытаться понять, что они означают и не просматриваются ли в их гуще какие-нибудь закономерности. Именно этим я постараюсь заняться в первой части книги.

Одна закономерность просматривается повсеместно и принимает такие многочисленные и сложные формы, что я посвятила ее природе вторую часть книги — часть, составляющую ядро моей аргументации. Эта повсеместная закономерность — потребность больших городов в чрезвычайно сложном и тесно переплетенном разнообразии способов использования среды, постоянно поддерживающих друг друга экономически и социально. Составные части этого разнообразия могут очень сильно различаться между собой, но они должны дополнять друг друга определенными конкретными способами.

Я полагаю, что городские территории-неудачницы — это территории, где подобная сложная взаимная поддержка развита недостаточно, и что наука градостроительства и искусство городского дизайна, если они хотят заниматься реальной жизнью реальных городов, должны стать наукой и искусством катализации и пестования этих тесно переплетенных, работающих взаимоотношений. Из имеющихся

у меня данных я вывела четыре базовых условия, необходимых для генерации полезного разнообразия в большом городе. Сознательно способствуя их выполнению, можно повышать жизненную энергию города (чего не в состоянии добиться по отдельности ни градостроители со своими проектами, ни дизайнеры со своим дизайном). Если первая часть книги прежде всего посвящена социальному поведению людей в городах и необходима для понимания последующих рассуждений, то во второй части, главной в книге, речь в основном идет об экономическом поведении больших городов.

Крупные города — места фантастически динамичные, и это предельно, поразительно верно в отношении их успешных частей, предоставляющих плодородную почву жизненным планам тысяч людей. В третьей части книги я исследую некоторые аспекты загнивания и возрождения в свете того, как используются города, как они и их жители ведут себя в реальной жизни.

В последней части предложены некоторые изменения в городском жилищном хозяйстве, транспорте, дизайне, проектировании и администрировании и под конец обсуждается вопрос, *какого рода* задачу ставит перед нами большой город: задачу обращения с организованной сложностью.

Внешний облик вещей и то, как они функционируют, неразрывно связаны между собой, и в крупных городах это верно как нигде. При этом люди, которых интересует только, как город «должен» выглядеть, и не интересует, как он действует, будут разочарованы этой книгой. Бессмысленно проектировать облик города или теоретизировать о том, как придать ему приятный и упорядоченный вид, не понимая присущего ему внутреннего, функционального порядка. Заботиться о внешности вещей как о первичной цели или главном источнике интереса, эффекта — значит не создавать ничего, кроме неприятностей.

В нью-йоркском Восточном Гарлеме есть жилой массив с бросающимся в глаза прямоугольным газоном, который стал для жителей массива объектом ненависти. Одна социальная работница, постоянно посещавшая массив, была поражена тем, как часто тема газона возникала в разговорах жителей, обычно без понятного ей повода, и как сильно они его ненавидели и хотели его ликвидации. Когда она спрашивала: «Почему?» — обычный ответ был: «Что в нем хорошего?» или: «Кому он нужен?» Наконец одна женщина, лучше других умеющая выражать свои мысли, заявила следующее: «Когда все это строили, никто не спросил, чего мы хотим. Наши дома снесли, нас отправили сюда, а наших друзей отправили куда-то еще. Нам тут негде чашку кофе выпить,

даже газету купить или занять пятьдесят центов. Никого не интересовало, что нам нужно. А сейчас приезжают большие шишки, смотрят на эту травку и говорят: „Чудесно! Теперь у бедных есть все!“»

Эта женщина сказала то, что моралисты говорят уже тысячи лет: судят не по внешнему виду, а по делам. Не все то золото, что блестит.

Она сказала больше. Есть качество похуже, чем прямое уродство или неупорядоченность, и качество это — лживая видимость порядка, достигаемая игнорированием или подавлением порядка подлинного, который борется за свое существование и удовлетворение своих нужд.

Стремясь разъяснить в этой книге, каков он, этот скрытый порядок крупных городов, я бóльшую часть примеров беру в Нью-Йорке, потому что в этом городе я живу. Но большинство основных идей книги порождены тем, что я впервые увидела или о чем услышала в других городах. В частности, мои первые соображения о важной роли некоторых видов городских функциональных смесей зародились в Питтсбурге, мои первые мысли об уличной безопасности — в Филадельфии и Балтиморе, мои первые представления о зигзагообразном дрейфе деловых районов — в Бостоне, мои первые суждения о выходе трущоб из трущобного состояния — в Чикаго. Очень много материала для всех этих размышлений имелось прямо у моей входной двери, но, вероятно, трудней впервые увидеть нечто существенное там, где ты принимаешь это как должное. Главная идея — о том, что надо попытаться вникнуть в сложный социально-экономический порядок, скрытый под кажущимся беспорядком больших городов, — принадлежит не мне, а Уильяму Керку, главе социального учреждения Юнион Сеттлмент в нью-йоркском Восточном Гарлеме, человеку, который, показав мне этот район, научил меня приглядываться и к другим жилым и деловым районам. Каждый раз я старалась сравнить увиденное и услышанное в том или ином городе или его части с впечатлениями от других мест, понять, насколько применимы уроки, полученные здесь и сейчас, за пределами данного конкретного случая.

Я сосредоточила внимание на больших городах и их внутренних, старых районах, потому что это проблема, от которой градостроительная теория последовательно уклонялась. Кроме того, я думаю, что со временем сфера, где мои соображения могут принести пользу, расширится, потому что многие части теперешних городов, «непостижимым» образом пришедшие в плачевное состояние, еще не так давно были пригородами или вполне благополучными, тихими жилыми территориями; рано или поздно многие нынешние новенькие пригороды или полупригороды окажутся поглощены большими городами

и добьются успеха или потерпят неудачу в зависимости от того, смогут ли они полноценно функционировать в качестве городских районов. И наконец, честно говоря, я люблю плотно населенные крупные города, и их проблемы занимают меня больше всего.

Я надеюсь при этом, что читатель не станет применять мои выводы к малым и средним городам или к тем пригородам, которые остаются пригородами. Все это — организмы, совершенно отличные от больших городов. Мы и так испытываем серьезные неприятности из-за попыток объяснять жизнь больших городов в терминах реального или мнимого функционирования городов малых. Если мы теперь вдобавок попытаемся объяснять малые города в терминах больших, то путаница станет полной.

Я рассчитываю, что каждый читатель этой книги будет неуклонно и скептически сравнивать мои утверждения со своими собственными представлениями о больших городах и их жизни. Если я была неточна в каких-либо наблюдениях или ошиблась в каких-либо умозаключениях, надеюсь, что эти оплошности будут быстро исправлены. Самое главное — нам отчаянно необходимо учиться и мы должны как можно скорее применить на практике все наши достоверные знания о крупных городах, способные принести пользу.

Я уже сделала кое-какие недобрые замечания об ортодоксальной градостроительной теории и сделаю еще, когда представится случай. В настоящее время эти ортодоксальные идеи — часть нашего фольклора. Они вредны тем, что мы принимаем их как должное. Чтобы показать, как они возникли и как слабо они отражают действительность, я дам здесь краткий очерк самых влиятельных идей, внесших наибольший вклад в аксиомы современного ортодоксального градостроительства и городского архитектурного дизайна*.

* Читатели, которым нужна картина более полная и вместе с тем более сочувственная, чем моя, могут обратиться к источникам, которые очень любопытны, особенно: *Howard E.* Garden Cities of Tomorrow. [London, 1902 и др.]; *Mumford L.* The Culture of Cities. [London, 1938 и др.]; *Geddes P.* Cities in Evolution. [London, 1915 и др.]; *Bauer C.* Modern Housing. [Boston, 1934]; *Stein C.* Toward New Towns for America. [N.Y., 1957 и др.];

Unwin R. Nothing Gained by Overtcrowding. [London, 1912 и др.]; *Le Corbusier.* The City of Tomorrow and Its Planning. [London, 1929 и др.]. Лучший краткий обзор, который я знаю, — это совокупность выдержек, озаглавленная «Assumptions and Goals of City Planning» и содержащаяся в книге: *Haar C.M.* Land Use Planning: A Casebook on the Use, Misuse and Re-use of Urban Land. [Boston, 1959 и др.].

Самая важная нить влияния тянется от Эбенизера Хауарда, английского судебного репортера, призванием которого стало проектирование городов. Хауард наблюдал за тем, в каких условиях жили лондонские бедняки в конце XIX века, и то, что он видел, слышал и обонял, ему, разумеется, не нравилось. Он не только ненавидел отрицательные черты крупного города, он ненавидел крупный город как таковой и считал скопление такого множества людей в агломерации вопиющим злом и вызовом естеству. Его спасительный рецепт заключался в ликвидации крупных городов.

Программа, которую он выдвинул в 1898 году, имела целью остановить рост Лондона и заново заселить сельскую местность, где деревни приходили в упадок. Для этого он предложил создать новый тип малого города — Город-сад, где лондонская беднота смогла бы зажить жизнью, близкой к природе. Чтобы обитатели Города-сада могли зарабатывать на жизнь, там должны были действовать промышленные предприятия: отвергая крупные города, Хауард отнюдь не предлагал строить спальные пригороды. Его целью было создание самодостаточных малых городов — городов действительно очень приятных, если только вы человек послушный, не имеете собственных планов и согласны прожить жизнь среди людей, также не имеющих собственных планов. Как и во всех утопиях, право иметь свои сколько-нибудь серьезные планы оставляют за собой те, кто возглавляет проект. Предполагалось окружить Город-сад сельскохозяйственным поясом. Для промышленности была запланирована промышленная зона, для школ, жилых домов и лужаек — жилая зона; в центре должны были располагаться торговые предприятия, клубы и культурные учреждения, поддерживаемые за общий счет. В целом городок и зеленый пояс должны были находиться под постоянным контролем общественного органа, ответственного за создание и развитие Города-сада. Задачи этого органа — пресекать спекуляцию участками и нерациональные, по его мнению, перемены в землепользовании, а также не допускать роста плотности населения. Короче говоря — следить, чтобы городок не превращался в большой город. В нем должно было жить не более тридцати тысяч человек.

Этот подход хорошо охарактеризовал Натан Глейзер в журнале *Architectural Forum*: «За образец был взят английский провинциальный городок старых времен, только вместо помещичьего дома с парком — общественный центр, и за деревьями скрыты кое-какие фабрики, чтобы людям было где зарабатывать».

Самый близкий американский аналог — вероятно, некий образцовый моногород, «город одной компании» с участием рабочих

в прибылях и с родительско-педагогическими ассоциациями, руководящими рутинной, ручной политической жизнью. Ибо Хауард имел в виду не только новую материальную среду и обновленную социальную жизнь, но еще и патерналистскую политико-экономическую систему.

Тем не менее, указывает Глейзер, Город-сад был «задуман как альтернатива большому городу и решение его проблем; на этом основывалась и основывается колоссальная притягательная сила этой градостроительной идеи». Хауарду удалось построить два таких города-сада — Лечурт и Уэлвин, и, кроме того, после Второй мировой войны в Англии и Швеции по принципу Города-сада был создан ряд городов-спутников. В США частичными и модифицированными воплощениями этой идеи стали Рэдберн в штате Нью-Джерси и построенные в годы Депрессии при финансовой поддержке государства города «зеленого пояса» (фактически пригороды). Но влияние Хауарда, понимаемое как буквальное или отчасти буквальное физическое воплощение его программы, — ничто по сравнению с его влиянием на постулаты, лежащие ныне в основе всего американского градостроительства. Градостроители и городские дизайнеры, работающие в крупных городах и не интересующиеся Городом-садом как таковым, в интеллектуальном плане находятся под сильнейшим воздействием его принципов.

Хауард пустил в оборот мощные и разрушительные для больших городов идеи. Он полагал, что с функциями города следует обойтись так: разделить между собой все основные способы использования городской среды и каждый организовать более или менее независимо. Центральной проблемой, которой подчинено все остальное, он считал проблему здорового жилища, которое, по его мнению, должно было соединить в себе физические качества пригородов и социальные — малых городов. Торговлю он понимал как предоставление стандартного, рутинного набора товаров и обслуживание замкнутого внутри себя рынка. Хорошее градостроительство он понимал как последовательность статических актов; в каждом случае проект должен предвосхищать все, что будет необходимо, и после реализации быть защищенным от любых изменений, кроме самых мелких. Он понимал градостроительство по существу в патерналистском, чтобы не сказать авторитарном, духе. Стороны городской жизни, которые нельзя было абстрагировать и включить в его утопию, не интересовали его вовсе. В частности, он попросту игнорировал сложную и многоликую культурную жизнь огромного города. Его не интересовали такие сюжеты, как поддержание порядка в крупных городах, идущий в них обмен идеями, их политическое устройство, возникновение в них новых экономических образова-

ний. Он совершенно не думал о создании условий для укрепления этих функций, поскольку его проект в любом случае не предназначался для жизни такого рода.

Как в том, что его заботило, так и в том, на что он не обращал внимания, проявляются осмысленность предложений Хауарда в рамках его системы и полная их несостоятельность в отношении крупных городов. Однако фактически все современное градостроительство в них — это жалкие вариации на заимствованные у него темы.

Влияние Хауарда на американское градостроительство в крупных городах шло по двум направлениям: во-первых, со стороны проектировщиков малых городов и региональных проектировщиков, во-вторых, со стороны архитекторов. Говоря о первом направлении, отмечу сэра Патрика Геддеса, шотландского биолога и философа, увидевшего в идее Города-сада не только эффективное средство против роста населения в больших городах, но и исходную точку для чего-то намного более масштабного. Он размышлял о проектировании больших городов в категориях проектирования целых регионов. В рамках регионального проектирования он предполагал, что города-сады будут разумным образом рассеяны по большим территориям с учетом наличия природных ресурсов и необходимости уравновешенного чередования с сельскохозяйственными угодьями и лесными массивами. Все должно было составлять одно обширное логическое целое.

Идеи Хауарда и Геддеса были с энтузиазмом восприняты в Америке в 1920-е годы и развиты группой необычайно деятельных и увлеченных людей — Льюисом Мамфордом, Кларенсом Стайном, покойным Генри Райтом, Кэтрин Бауэр и другими. Хотя сами они считали себя региональными проектировщиками, Кэтрин Бауэр сравнительно недавно назвала эту группу децентралистами, и это более удачное название, потому что основным результатом регионального проектирования, по их мнению, должна была стать децентрализация крупных городов, разрежение населения в них, распределение предприятий и людей по городам менее крупным и отдельным друг от друга, а еще лучше — по малым городам. В то время население США старело и увеличивалось медленными темпами, и проблема, как ее тогда видели, заключалась не в том, чтобы разместить быстрорастущее население, а лишь в том, чтобы распределить население более или менее стабильное.

Как и в случае самого Хауарда, влияние этой группы состояло не столько в буквальном принятии ее программы (как таковая она не дала результата), сколько в воздействии на проектирование в крупных городах и законодательство, касающееся жилищного строительства,

жилищного хозяйства и их финансирования. Схемы образцовой застройки, разработанные Стайном и Райтом и реализованные главным образом в пригородах или на окраинах больших городов, наряду с текстами, диаграммами, эскизами и фотоснимками, представленными Мамфордом и Бауэр, демонстрировали и популяризировали идеи, подобные следующим, принимаемым ныне в ортодоксальном градостроительстве как нечто само собой разумеющееся: улица — плохая среда для человека; дома должны отвернуться от нее и смотреть в другую сторону, на укромные зеленые уголки; частая сеть улиц неэкономична, там выигрывают только спекулянты недвижимостью, измеряющие стоимость футами фасада; базовой единицей городского дизайна должна быть не улица, а квартал, в особенности укрупненный «суперквартал»; торговля должна быть отделена от жилья и зеленых насаждений; нужды данного городского участка в товарах можно «подсчитать научно», и это значит, что торговле отводится столько-то места и не больше; присутствие большого числа посторонних — в лучшем случае необходимое зло, и хорошее градостроительство должно стремиться по крайней мере к иллюзии пригородного уединения. Децентристы, кроме того, повторяли вслед за Хауардом, что спроектированная территория должна жить как автономная единица, что она должна сопротивляться позднейшим переменам и что каждая существенная деталь внутри нее должна с самого начала быть подконтрольна проектировщикам и впоследствии бережно сохраняться. Короче говоря, хорошее градостроительство — это работа по жестко заданному проекту.

Чтобы резче подчеркнуть необходимость в новом порядке вещей, децентристы обрушились на скверный старый большой город. Успехи, достигнутые в больших городах, их не интересовали. Их интересовали неудачи. Неудачно было все. Книжки, подобные «Культуре больших городов» Мамфорда, большей частью представляли собой язвительные и тенденциозные каталоги пороков. Большой город называли Мегалополисом, Тиранополисом, Некрополисом, чудовищем, деспотом, живым воплощением смерти. С ним необходимо было разделаться. Среднюю часть Манхэттена Мамфорд назвал «отвердевшим хаосом». Очертания и вид больших городов, по мнению Стайна, — не что иное, как «хаотическая случайность... совокупность необдуманных, противоречащих друг другу прихотей многих эгоцентричных, неблагоразумных личностей». Городской центр — «авансцена, на которой главные роли играют шум, грязь, попрошайничество, торговля сувенирами и крикливая агрессивная реклама» (Бауэр).

И как, спрашивается, может нечто столь дурное быть достойно попытки понимания? Труды децентристов, идеи в области архи-

тектуры и жилищного строительства, которые шли рука об руку с этими трудами или проистекали из них, федеральное законодательство в сфере жилья и его финансирования, испытывавшее прямое влияние новых подходов, — все это не имело ничего общего ни с пониманием больших городов, ни с желанием помочь им добиться успеха. Таких целей, собственно, и не ставилось. Цель была — выкинуть большие города на свалку, и децентристы этого не скрывали.

Тем не менее в школах градостроительства и архитектуры, в Конгрессе, в законодательных органах штатов и в городских советах крупных городов идеи децентристов мало-помалу утвердились как руководящие постулаты для конструктивного преобразования самих этих крупных городов. Во всей печальной повести это самое поразительное: люди, которые искренне хотели укрепить крупные города, в конце концов взяли на вооружение рецепты, открыто предназначенные для того, чтобы подорвать их экономику и уничтожить их.

Человеком, выдвинувшим наиболее эффектное предложение о том, как внедрить все это антиградостроительство прямо в пресловутые цитадели несправедливости, был европейский архитектор Ле Корбюзье. В 1920-е годы он разработал проект Лучезарного города — города-мечты, состоящего не из низких зданий, горячо любимых децентристами, а, наоборот, главным образом из небоскребов, расположенных в парке. «Допустим, мы въезжаем в город через большой парк, — пишет Корбюзье. — Наш быстрый автомобиль несется по специально приподнятой трассе между величественными небоскребами; по мере приближения двадцать четыре небоскреба все яснее вырисовываются на фоне неба; слева и справа от нас на окраинах каждого отдельного участка находятся муниципальные и административные здания; замыкают пространство музеи и университетские корпуса. Весь город — это большой парк». В вертикальном городе Ле Корбюзье плотность населения среднего достатка должна была составлять 1200 человек на акр — фантастически много, но из-за очень большой высоты зданий 95% территории могли оставаться свободными. Небоскребам должно было хватить 5% земли. Для людей с высокими доходами предусматривались не столь высокие дома-люкс с внутренними дворами, при этом свободными должны были оставаться 85% территории. В разных местах предполагалось построить рестораны и театры.

Ле Корбюзье проектировал не только материальную среду. Он разрабатывал и некую социальную утопию. Люди, по его словам, должны были получить максимум индивидуальной свободы, под которой он, кажется, понимал не сколько-нибудь широкую свободу деятельности,

а свободу от обычной ответственности. В его Лучезарном городе не предполагалось, что кто-либо может быть «сторожем брату своему». Никому не надо бороться за реализацию своих планов. Никто ничем не стеснен.

Децентристы и другие преданные сторонники Города-сада пришли в ужас от предложенного Ле Корбюзье города башен посреди парка и до сих пор не смягчили своего к нему отношения. Оно было и остается примерно таким же, как у педагогов детского сада с «прогрессивным обучением» к казенному детскому дому. Ирония, однако, состоит в том, что Лучезарный город — прямое продолжение Города-сада. Ле Корбюзье усвоил, поверхностно по крайней мере, фундаментальный образ Города-сада и приспособил его к высоким плотностям населения. Он назвал свое творение Городом-садом, превращенным в нечто реализуемое. «Город-сад — недостижимая мечта, — писал он. — Природа тает под натиском дорог и зданий, и обещанное уединение уступает место плотному скоплению жителей... Решение — „вертикальный город-сад“».

Лучезарный город Ле Корбюзье и в другом смысле стал продолжением Города-сада. Я имею в виду его сравнительно легкий путь к популярности. Разработчики проектов Города-сада и их все более многочисленные последователи из числа реформаторов жилищного строительства, студентов и архитекторов неустанно пропагандировали идеи укрупненного «суперквартала», спроектированного как единое целое массива зданий, неизменности застройки — и травы, травы, травы; что еще более важно, они с успехом внушали общественности, что все это — необходимые признаки гуманного, социально ответственного, функционального, интеллектуального градостроительства. Ле Корбюзье по существу не нужно было доказывать широкой публике, что его видение отвечает требованиям гуманности и городской функциональности. Если великая цель градостроительства — дать Кристоферу Робину возможность делать прыг-скок на травке, то чем плох Ле Корбюзье? Вопли децентристов о механизации, казенщине, стирании личности многим казались глупым сектантством.

Город-мечта Ле Корбюзье оказал огромное влияние на наши крупные города. Его на все лады расхваливали архитекторы, и постепенно он был реализован в десятках проектов — от государственных жилых массивов для малообеспеченных до комплексов офисных зданий. Помимо перевода, по крайней мере в поверхностном варианте, принципов Города-сада в практическую плоскость в условиях густонаселенного большого города, мечта Ле Корбюзье заключала в себе и другие чудеса. Он попытался сделать планирование автомобильного движения неотъ-

емлемой частью своей схемы, и эта идея в 1920-е и в начале 1930-х была новой, волнующей. Он включил в проект большие скоростные односторонние магистрали. Он уменьшил количество улиц, потому что «перекресток — враг транспорта». Он предложил прорыть подземные улицы для грузовиков, и, разумеется, подобно проектировщикам Города-сада, он постарался убрать пешеходов с улиц и увести их в парки. Его город был чудесной механической игрушкой. С архитектурной точки зрения его концепции была присуща ослепительная ясность, простота и гармоничность. Все так упорядоченно, так зримо, так понятно! Как в хорошей рекламе, образ ухватывается в один миг. Нарисованная Ле Корбюзье картина с ее броской символикой почти неотразимо подействовала на проектировщиков, домостроителей, дизайнеров, девелоперов, займодателей и мэров. Она оказалась чрезвычайно привлекательной для «прогрессивных» уполномоченных по зонированию, которые пишут правила, рассчитанные на то, чтобы побуждать застройщиков, работающих вне единого проекта, пусть в малой мере, но отражать мечту. Сколь бы ни был вульгарен или неуклюж дизайн, сколь бы ни были унылы и бесполезны открытые пространства, сколь бы ни был безотраден вид с близкого расстояния, подражание Ле Корбюзье кричит криком: «Все смотрите на меня!» Как громадное, зримое эго, оно сообщает о чьем-то достижении. Но в том, что касается функционирования большого города, оно, как и Город-сад, не сообщает ни слова правды.

Хотя децентристы с их преданностью идеалу уютной жизни в маленьком городке так и не примирились с образами, нарисованными Ле Корбюзье, их ученики в большинстве своем с ними примирились. Сегодня практически все искушенные городские дизайнеры сочетают две эти концепции в разнообразных пропорциях и вариантах. Способ перестройки, известный под такими названиями, как «избирательное удаление», «выборочная замена», «плановое обновление» или «плановая реставрация» (означающими, что пришедший в упадок городской участок не сносится подчистую), — это, по сути дела, трюк, при котором старые здания сохраняются в таком малом количестве, чтобы участок так или иначе мог превратиться в «приемлемый» вариант Лучезарного города-сада. Уполномоченные по зонированию и землепользованию, проектировщики магистралей, законодатели, проектировщики парков и мест отдыха (никто из них не живет в идеологическом вакууме) постоянно используют два этих мощных образа и их более изоощренные комбинации в качестве жестких ориентиров. Они могут отклоняться от «идеалов», вульгаризировать их, идти на компромиссы — но точки отсчета именно таковы.

Теперь бросим взгляд еще на одну, несколько менее важную, генеалогическую линию в ортодоксальном градостроительстве. Во многом она начинается с грандиозной Колумбовской выставки, состоявшейся в Чикаго в 1893 году, то есть примерно тогда же, когда Хауард формулировал свои идеи Города-сада. Чикагская выставка пренебрежительно отнеслась к волнующей современной архитектуре, которая начала появляться в Чикаго, и взамен выдвинула на первый план псевдоренессанс. В выставочном парке одно за другим открывались взору тяжеловесные монументальные здания, подобные глазированным кондитерским изделиям на подносе. Это было пусть и не устремленное ввысь, пусть и не лишнее украшений, но все же предвестие того, что позднее предложил Ле Корбюзье, — стоящих рядами в парке одинаковых башен. Чикагское оргиастическое скопление монументальности и богатства поразило воображение как градостроителей, так и публики. Оно дало толчок движению, получившему название «Город красоты», и не случайно его лидером стал чикагский архитектор Дэниел Бернем, возглавивший проектирование выставки.

Целью, к которой стремился обобщенный Город красоты, было стать Монументальным городом. Разрабатывались грандиозные планы систем бульваров, застроенных барочными зданиями (большой частью они так и остались планами). Реальным наследием, доставшимся нам от этого движения, стал обобщенный Монументальный центр, образцом для которого послужила чикагская выставка. В одном большом городе за другим строились административные или культурные центры. Здания либо стояли в ряд вдоль бульвара, как на Бенджамин-Франклин-Паркуэй в Филадельфии, либо смотрели на прогулочную зону (молл), как Правительственный центр в Кливленде, либо граничили с парком, как Административный центр в Сент-Луисе, либо перемежались с ним, как Административный центр в Сан-Франциско. В любом случае самое существенное здесь, что здания-монументы были отделены от остальной части города и расположены так, чтобы достигался как можно более величественный эффект. Комплекс должен был производить впечатление самостоятельного, законченного целого.

Горожане гордились своими Центрами, но о подлинном их успехе говорить не приходится. Во-первых, окружавшие их обычные городские районы неизменно приходили в упадок вместо того, чтобы стремительно развиваться, и вокруг каждого Центра возникало несообразное кольцо из захудалых тату-салонов, магазинов секонд-хэнда и всевозможных проявлений серого, унылого загнивания. Во-вторых, люди не очень-то посещали эти Центры. Когда выставка становилась частью города, она почему-то переставала действовать как выставка.

Архитектура Монументальных центров вышла из моды, однако стоящая за ними идея так и не была поставлена под вопрос, и никогда она не была столь сильна, как сегодня. Идея вычленения определенных культурных, общественных или административных функций, их «очищения» от соседства с городской обыденностью прекрасно согласуется с представлением о Городе-саде. Эти концепции гармонически соединились примерно так же, как в случае с Городом-садом и Лучезарным городом, и получился некий Лучезарный город-сад красоты, примером которого может служить огромный комплекс Линкольн-сквер в Нью-Йорке, где монументальный культурный центр в духе Города красоты — это один из ряда примыкающих друг к другу жилых, торговых и учебных центров в духе Лучезарного города или Лучезарного города-сада.

И по аналогии концепция вычленения, как и концепция поддержания порядка путем запретов на любое проектирование кроме исходящего от главных проектировщиков, была легко распространена на все прочие функции большого города. Сегодня генеральный план землепользования в крупном городе во многом сводится к предложениям о размещении, часто в увязке с транспортными вопросами, множества выделенных, «очищенных» компонентов.

С начала до конца, от Хауарда и Бернема до последней поправки к закону об обновлении городской застройки, весь этот коктейль не имел и не имеет никакого отношения к функционированию крупных городов. Неисследованные, не удостоенные должного уважения, города выступили в роли ритуальных жертв.